

Тайна Наполеона

М.: ММП "Дайджест", 1992

I

Дверь элегантной спальни во дворце Сен-Клу осторожно приотворилась, и в щель высунулось розовое, задорное личико горничной. Затем, осторожно подкравшись к громадной кровати из красного дерева стиля жакоб, над которой у потолка висела корона, откуда широкими складками ниспадали большие занавеси с разводами, горничная вполголоса окликнула спящую:

- Сударыня! Сударыня! Уже десять часов!

Из-за занавесок послышался звучный, несколько хрипловатый голос:

- Черт знает что такое! Неужели в этом картонном дворце и поспать-то нельзя как хочется?

- Простите, мадам, но вы сами распорядились, чтобы вас разбудили в десять часов.

- Неужели уже десять часов?! Что за лентяйкой я стала теперь! А ведь прежде, когда я была прачкой, я постоянно вставала ни свет ни заря. Ну, и в полку, будучи маркитанткой, я не дожидаясь, чтобы барабаны два раза проббили зарю, а сразу вскакивала на ноги. Но теперь, когда я стала женой маршала, я никак не могу вылезть из этой коробочки. Скорей, Лиза, давай мне мой пеньюар! - И та, которая назвала себя женой маршала, соскочила с постели, разражаясь, словно солдат, градом проклятий, так как ей не удавалось найти чулки, которые она куда-то забросила, раздеваясь вечером.

Лиза протянула ей их, но супруга маршала не увидела и торопливо принялась в рубашке и босиком бегать по комнате, опрокидывая по пути стулья и продолжая ругаться и проклинать. Наконец горничная догнала ее и подала чулки; барыня стала надевать их, не преминув ошибиться ногой.

Да, да, в том, что касалось туалета, супруга маршала не была ни терпеливой, ни искусной: она, невзирая на свое теперешнее высокое положение, сохранила все свои манеры, простоту обращения и грубовато-добродушную веселость прачки из квартала Сен-Рок в дни великой революции и маркитантки Северной армии, армии Самбр-э-Мез и Мозеля, по-прежнему оправдывая приставшую к ней кличку "мадам Сан-Жень".

С того времени обстоятельства сильно изменились, увлекая за собой и мировые судьбы, и судьбу каждого отдельного действующего лица.

Маленький артиллерийский офицер из Тулона, нищий клиент прачки с улицы Рояль-Сен-Рок, превратился сначала в главнокомандующего, потом - в первого консула и наконец - в императора. Слава озаряла его трон, перед которым с унижением заискивали остальные государи мира. Франция с воинственным звоном оружия и с развевающимися знаменами высилась в центре Европы словно громадный лагерь, озаряемый сиянием солнца Аустерлица.

Как и изголодавшийся, худой артиллерист, вынужденный утром 10 августа 1792 года снести свои часы в заклад, так и остальные действующие лица, фигурировавшие в прологе этой грандиозной мировой трагедии, выросли и изменились до неузнаваемости.

Предсказания мага Фортунатуса в бальном зале "Во-Галь" осуществились для Лефевра и его жены почти в полной мере и степени. Быстро подвигаясь по военно-иерархической лестнице, былой сержант гвардии уцелел среди сражений. 18 брюмера он стал дивизионным генералом, комендантом Парижа, слепо доверившим свою судьбу счастью Бонапарта. С тех пор благоволение первого консула и императора никогда не покидало Лефевра. В 1804 году Наполеон восстановил упраздненный институт маршалов Франции. Лефевр был одним из первых, кого император произвел в этот высший чин. В то же время он занимал должность сенатора.

Конечно, нельзя сказать, чтобы Лефевр обладал хоть какой-либо способностью для участия в заседаниях законодательного учреждения. Но сенат 1804 года представлял собой чисто декоративное учреждение, в действительности не обладавшее никакими полномочиями и только соединявшее в своих недрах самых достопочтенных мужей современности. Но хотя Лефевр в качестве сенатора и не отличался особой говорливостью и красноречием, он все же, несмотря на это, пользовался особым уважением